

*Кандидат политических наук,
старший научный сотрудник
Института философии и права УрО РАН*

Е. Г. Дьякова

*Кандидат политических наук,
старший научный сотрудник
Института философии и права УрО РАН*

А. Д. Трахтенберг

Екатеринбург

СМИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПОЛИСУБЪЕКТНОСТЬ В ОТСУТСТВИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Англо-американская модель свободы слова, как известно, базируется на представлении о полном равноправии субъектов в процессе поиска Истины. В основе этого представления лежит оппозиция «взрослый» (= вменяемый, рациональный и ответственный индивид) – «ребенок» (= подлежащий контролю, иррациональный и безответственный). Любой взрослый индивид имеет право на самостоятельный поиск истины и открытое провозглашение результатов этого поиска, а отрицание за ним этого права низводит его до уровня ребенка.

Как это сформулировано в посвященной защите свободы прессы классической «Ареопагитике» Дж. Мильтона, «по отношению к тому, что входит в человека... Бог не считает нужным держать его в положении постоянного детства, под постоянным наблюдением, а предоставляет ему, пользуясь даром разума, быть своим собственным судьей»⁷⁹. Толерантность Мильтона основывается на его готовности признать, что у Истины «может быть не один образ»⁸⁰ и влечет за собой желание провести «реформацию самой реформации» для того, чтобы «объединить в одном общем и братском искании истины всех преданных ей»⁸¹. Естественно, эта толерантность не простирается столь далеко, чтобы включить в братское искание истины папистов, которые в качестве слабых и заблудших душ исключаются из сообщества рациональных взрослых людей. Однако и по отношению к ним он рекомен-

---

⁷⁹ Мильтон Дж. Арёпагитика /История печати: Антология. М., 2001. С. 33.

⁸⁰ Там же. С. 60.

⁸¹ Там же. С. 55.

дует скорее средства любви и сострадания, чем государственные меры по искоренению этого суеверия. Суть его подхода исчерпывается прагматической формулой «гораздо целесообразнее, благоразумнее и согласнее с христианским учением относиться с терпимостью ко многим, чем подвергать притеснению всех»⁸².

Появление и развитие СМИ с этой точки зрения выглядит как простое техническое расширение уже существующей полисубъектности, в принципе не меняющее структуры информационного пространства. Весьма характерно в этом смысле замечание Мильтона о том, что «Христос ссылаясь в свое оправдание на то, что он проповедовал публично; но *письменное слово еще более публично, чем проповедь*, а опровергать его, в случае нужды, гораздо легче»⁸³. Таким образом, в рамках англо-американской традиции полисубъектность СМИ выступает в качестве частного случая полисубъектности любого гносеологического процесса, который при этом тождественен с коммуникативным актом, а свобода слова является только одним из проявлений толерантности, требующейся от всякого разумного человека, который априори предполагает такую же разумность у своего собеседника/соратника по познанию истины.

Однако отечественные СМИ появляются и вынуждены функционировать в рамках совсем иной культурной традиции, отнюдь не предполагающей множественности субъектов при поиске Истины, а исходящей из представления о существовании привилегированного языка коммуникации и привилегированного субъекта коммуникации, обладающего монополией на трансляцию Истины. В допетровский период таким субъектом была православная церковь, а языком – церковнославянский⁸⁴. Секуляризация русской культуры в послепетровские времена породила феномен «светской святости», сакрализацию классической русской литературы и ожесто-

---

⁸² Там же. С. 61.

⁸³ Там же. С. 52.

⁸⁴ В отечественной литературе данная проблематика активно разрабатывается Б. А. Успенским. См., например, Успенский Б. А. Раскол и культурный конфликт XVII века // Избранные произведения. Т. 1. М., 1994.

ченные споры о том, кто может претендовать на роль единственно правомочного транслятора Истины. Традиционная для России конфликтность отношений между государством и СМИ во многом объяснялась тем, что журналисты (точнее, литературные критики) активно стремились занять опустевшее «святое место». Как известно, журнальный критик в России всегда был чем-то несравненно большим, чем просто обозревателем текущего литературного процесса, поскольку в основе его статуса лежала модель СМИ, ориентированная на бескорыстное служение раз и навсегда данной Истине. Этим же объясняется острейшая конфликтность в отношениях критиков различных направлений между собой, сочетающаяся с презрением к так называемой «торговой журналистике», ориентированной не на проповедь Истины, а на извлечение прибыли путем торговли информацией.

В этом смысле весьма характерно, что как главным писателем России является Пушкин, а ее главным критиком – Белинский, так ее главным «антиписателем» и «антикритиком» (имеющим многие черты, роднящие его с Антихристом) выступает редактор первой русской действительно массовой газеты Булгарин⁸⁵. Последний мог сколько угодно возмущаться тем, «как можно издавать Газету *не для публики*, а для некоторого числа писателей» и заявлять, что «в России есть журналы не хуже «Литературной газеты», которых издатели приобрели право своими трудами быть посредниками между публикой и писателями»⁸⁶. Коммерческий успех его «Северной пчелы» ни в коей мере не способствовал повышению статуса ее редактора ни в глазах публики, ни в глазах властей предрежащих. Дневники просвещенного цензора А. В. Никитенко содержат множество пикантных подробностей о том, как николаевские вельможи то и дело ставили редактора «Северной пчелы» на место, а также более чем пренебрежительные отзывы об этом столпе ранней русской журналисти-

---

⁸⁵ Тираж булгаринской «Северной пчелы» достигал 3 000 экземпляров, что является рекордом для николаевской эпохи и особенно впечатляет на фоне нескольких сотен подписчиков пушкинской «Литературной газеты».

⁸⁶ Цит. по кн.: Очерки по истории русской журналистики и критики. Т. 1. XVIII век и первая половина XIX века. Л., 1950. С. 389.

ки. Впрочем, не только Булгарин, но и первые русские медиа-магнаты Краевский и Суворин обычно помещаются в преисподнюю отечественной культуры ⁸⁷. В целом это свидетельствует о том, насколько чужда этой культуре сама идея полисубъектного информационного пространства, предполагающая толерантность к точке зрения другого. В этом смысле грандиозная утопия создания общероссийской газеты, вытесняющей все другие СМИ, изложенная в работе В. И. Ленина «Что делать?» и имеющая мало общего с реальной практикой ранней большевистской печати, находится глубоко в русле отечественной традиции.

Таким образом, в отечественных условиях полисубъектность информационного пространства выступает в качестве следствия (и не слишком одобряемого следствия) развития СМИ, а не в качестве предпосылки этого развития. Когда журналисты все-таки пришли к власти (как известно, В. И. Ленин считал себя именно профессиональным публицистом), они, как и следовало ожидать, создали государство, в котором носитель верховной власти присвоил себе права верховного критика, и выстроили целую иерархию привилегированных субъектов коммуникации. Более того – они пошли на сознательное вытеснение письменного слова, подозрительного по своей изначальной индивидуализированности, архаическим коллективным устным словом, и на «голосовое событие объединения социума», при запрете от имени этого же социума «на все формы посредственно-письменной коммуникации» ⁸⁸. Впрочем, как показано в той же работе, попытки элиминировать письменную коммуникацию привели только «к количественному нарастанию письменности и, таким образом, тотальному распространению опасности дезинтеграции советского, архаически устного социума» ⁸⁹.

⁸⁷ Ни теснейшая дружба Суворина с Чеховым, ни гражданский поступок Краевского, оказавшегося единственным, кто осмелился разместить в своей газете некролог Пушкину (общеизвестное «Солнце русской поэзии закатилось...»), не способствуют улучшению их культурной репутации и повышению внутрикультурного статуса.

⁸⁸ Мурашов Ю. Преступление письма и голос наказания: о медийной репрезентации показательных процессов 1930-х годов // Соцреалистический канон. СПб., 2000. С. 731.

⁸⁹ Там же. С. 738.

Дезинтеграция этого социума, однако, не привела к оправданию полисубъектности СМИ, о чем свидетельствует неспособность как властей, так и, что важнее, общества смириться с самим фактом существования «торговой журналистики», ориентированной не на поиск Истины, а на торговлю высококачественной информацией. О том, насколько болезненно и с каким трудом осваивается российским обществом современная (= протестантская) модель СМИ, свидетельствует поколенческий раскол внутри самого журналистского сообщества. С одной стороны, представитель одного из наиболее вестернизированных российских масс-медиа заявляет, что в советское время такой профессии, как журналистика, вообще не существовало⁹⁰, с другой – один из ветеранов той самой несуществовавшей журналистики не менее уверенно утверждает, что «мы, те кто работал в условиях жесткого партийного контроля над прессой, были свободнее, чем наши молодые коллеги сегодня... дело в том, что мы *противостояли* этой несвободе, мы видели для себя возможность выбора и делали этот выбор»⁹¹. Иными словами, полисубъектность в отечественном сознании прочно ассоциируется с продажностью, а толерантность – с вседозволенностью.

Поэтому дальнейшее развитие существующей системы отечественных СМИ всецело определяется тем, насколько успешным окажется очередной этап рецидивирующей российской модернизации, и насколько привьются на отечественной почве полисубъектные структуры гражданского общества. Пока, как известно, каждый этап модернизации только усиливал традиционные черты русской культуры, так что обращенная к цензору максима Пушкина, подводящая итог перспек-

---

⁹⁰ «Если литература выходит почему-то на газетной бумаге большим форматом, она остается литературой... Анатолий Аграновский – не журналист... Он – писатель. Он литератор, назовем это так, работающий в странном издании, выходящем форматом А-2 на газетной бумаге. Я не совсем понимаю, почему книги надо издавать в таком странном полиграфическом исполнении» (Пархоменко С. Б. Журналистика прошлого и настоящего – две разные профессии // *Пресса в обществе* (1959 – 2000). М., 2000. С. 388).

⁹¹ Волков А. И. Из политических технологов мы превращались в обществоведов // *Пресса в обществе* (1959 – 2000). М., 2000. С. 103.

тивам внедрения в России конкурентной системы независимых СМИ – «что нужно Лондону, то рано для Москвы», – остается в полной силе.

Ст. преподаватель кафедры философии ИжГСХА
Е. Б. Якимович
Ижевск

МАСС-МЕДИА И ПОЛИСУБЪЕКТНОСТЬ

Своеобразный гибрид средств связи и структур власти в современном обществе выглядит как налаженная «машина риторики», «которая соозначает и управляется одной и той же идеологией, а именно идеологией «современности», которая может быть охарактеризована *толерантным отношением к ценностям прошлого* (У. Эко). Если в прошлом открытие новой коммуникативной системы, так или иначе, приводило к социальным изменениям, то все современные изобретенные масс-медиа нисколько не затрагивают общественный порядок, опираясь на стабильную идеологию, впитавшую самые разнообразные формы прошлых систем. Так, к примеру, фотография стала «средой», в которой понятие искусства трансформировалось в простое орудие коммуникации и контроля (создание фотографий с целью установления гражданской идентичности). «Фотоаппарат определяет действительность... как зрелище (для масс) и как объект надзора (для правителей)» (С. Зонтаг). Любое коммуникативное действие опирается на символические акты, которые позволяют индивиду воспринимать и контролировать действия окружающих его людей. Иллюзия автономности существования масс-медиа и видимое отсутствие создателей информации приводят к *урбанизации* коммуникации, которая изменяет не только условия передачи сообщения, но и само значение этого сообщения в ходе его передачи. Тем самым коммуникационные технологии способствуют сохранению социальной организации: опосредованно они показывают нам, *кому принадлежать и с кем думать* (Е. Катц).

История показывает, что технологии коммуникаций оказываются напрямую и опосредованно связанными с бюрократическими империями. Так, письменность явилась сокруши-